

Дн. Бивинский

Сердцу
милый
к р а й

ДМИТРИЙ ВЛЫНСКИЙ

Б 70

1963

34-47

перенесено

Дневник

СЕРДЦУ
МИЛЫЙ
КРАЙ

30854

467

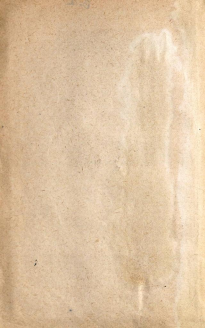
Библиотека
им. А. С. ПУШКИНА
Жал-дур. р-на г. Орел

Издательство

„Орловская правда“

Орел

1967

БЫВАЮТ поэты, которые, едва начав писать стихи, пишут их обо всем, кроме того, что рядом с ними, — кроме своего края, своего города, своих друзей. Иногда у них бывают интересные, неплохие стихи, но за ними не стоит человеческого образа: непонятно — кто они, что им любо, и потому таким поэтам не всегда веришь.

Есть другие, в стихах которых звенят сады и поля, где они росли, звон ручья, бегущего в сельскую речку около их хаты, разлет улиц родного города, солнце своей стороны, ее прошлое и будущее. Иногда их голос скуп, но достоверен в каждой мелочи. Такой поэт,

мужая постепенно, неизбежно придет к большому тему.

Вот именно таким голосом является голос Дмитрия Блынского, корсаковского орловца, любящего и понимающего свой край каждым ударом сердца.

Три года в слезу за творческим ростом молодого поэта Дмитрия Блынского — студента третьего курса Литературного института им. А. М. Горького.

Творческая среда в институте, лекции и занятия, а главное, собственное уворство Блынского помогли ему разобраться и нащупать ростки подлинной поэзии. Шаг за шагом уворно он идет к поэтическому мастерству, к искренности и честности мысли. Не гонимый за формалистическими узнищеваниями, он умеет создать запоминающийся поэтический образ.

Именно простотой, чистотой мира, в котором живет молодой поэт, его органическим чувством времени и подлинно новым мироощущением, без всяких натяжек и без тени нигилизма — привлекает нас эта первая небольшая книга.

Дмитрий Блынский еще не сформировался, но по этой книге видно, чего он хочет в жизни.

Я думаю, что его честные и теплые стихи трогают сердца земляков-орловцев, да и не только орловцев.

Добрый путь тебе, Дима Блынский!

УМ 24/4 65 — Лев Ошанин.

ВСТУПЛЕНИЕ

О стихах говорят в этом доме поэты.
Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да осталась в пути.

Что принес я с собой? На ладонях мелочи,
Знаки лопнувших вочех с весенних берег
Да тетрадку стихов, где-то сложенных в поле,
Где-то сложенных в поле в жару и в мороз.

Я, как пахарь, их выдел под лесником плуга.
Как пахуч, я встречал их в глазах у телят.
Даже выюга, бездушная колкая выюга
Мне стихами орет так, что уши болят.

Где бы их ни искал я — в полях ли, в дугах ли —
Нахожу в каждом волосе, в весне ручья,
Потому моя строка землю провахла,
Как провахла пальмью фуфайка моя.

Рифму я не вертел за столом по неделям
(Чем прихудливней рифмы, тем громче стихи).
На жила они сами, простые, гладкие
То слезинкой цветка, то стрелкой ольхи.

Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да осталась в пути.
О стихах говорят в этом доме поэты.
Я стучу. Я ихожу. Я обязан войти.

И

Пойдем в мой край,
1 В поля, в дуга Орловщины,
Нигде я лучше край не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

2 Пойдем в мой край,
Где первоцветы весенние
Весною по-особому цветут.
Тут сказки ты узнаешь
Только здешние,
«Матаню» нашу встретишь
Только тут.

3 В слух превратишься, наша песня слухая.
У нас такой в округе чернозем,
Что даже трактор -
За рекою Зушею
На пашне светлым выглядит пятном.

А наша тройка-птица!
Не отсюда ли
Она впервые начала свой бег?
Эх, рысали они!
В них столько удали,
Что слани хвостит им на долгий век.

Тропинками привольными, узкими,
Пойдем туда, где земляки мои,
Где по соседству
С соловьями курскими
Поют не хуже
Наши соловьи.

Пойдем в мой край.
Я покажу село мое.
В нем мило все, хоть бедно до поры:
Простые хаты, крытые соломою,
Коровий рев и весел детвора...

...Весна. Сугробы снега за калитками,
А по откосам рыжики, у воды
Проталины подснежниками вытканы, —
Последний снег
И первые цветы!

...Дни первоцветья — дни невыразимые.
Их нужно видеть, слышать.
Что — слова?
Пух тополиный плывет, цветут озимые,
Кричат стрижи и дремлет «сон-трава»...

...А «бабье лето» с такою прохладой,
Со аспидными шапками берез.
Над плесом листья кружатся
И, падал,
Как будто искры, поджигают плес.

...Зимой у нас, что в русской сказке.
Где еще
На свете есть подобная зима?
Предстань — летящий снег и дуб сидящий,
Да кто же поэзия сама.

5 Пошел в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любым ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

1956.

И.

Как часто вижу ее во сне я...
Она задироста, весела,
Эх, даже проститься не мог я с нею, —
Ушла, а назад не придет,
Ушла...

Я делал все, что она велела,
В такой сараг на лыжах летел,
Куда бы взрослый,
Взглянув несмело,
Пешком спуститься б не захотел.

А летом с удочкою с утра я
Часами просиживал у ручья,
И в каждой росинке
На разнотравье
Мы с ней отражались —
Она и я.

а. Со мной под грибами дождями жила,
Стояла с рогаткою у плетня
И, целясь в птиц,
Попала в стекла,
Но не ее ругали —
Меня.

Нередко учил с улыбкой счастливой,
Как в сад проходить

Через ход потайной,
Когда ж меня сторож «гладила» крапивой,
Стояла и плакала вместе со мной.

Меня подружила с песнею аюной,
С хорошей книгаю и мечтой
И даже с девчонкой,
Даже с девчонкой,
Ничуть же ревнуя и девчонке той.

Мы думали думы одни и те же,
Влекли нас одни и те же пути.
Когда ж ее слушаться стал я реше,
Она от меня
Решила уйти.

Как часто вижу ее во сне я...
Она задорста, весела.
Эх, даже проститься не мог я с нею, —
Ушла навсегда моя юность...
Ушла...

1935.

АВГУСТ

Журавель тонкошеий —
беспокойная птица —
Головою кивает
 целый день над колодезнем.
Опускается к срубу,
 чтобы вдоволь напиться,
По бадье выныивает,
 но никуда не насытится.

Жарко. Ива-бредина,
 вылезая над водою,
Бредет поводною вешней,
 кудри светлые вьют.
Жарко. С клювом открытым
 под крапивою глухою,
Гребешком полизала,
 дремлет с курами вочет.

Отурцы критались
 в листьях влажных в сонных,
Дыха выволакла к тыну,
 созревает и крепнет.
А над ними, как сторож,
 загорелый подсолнух
Щурась, смотрит на солнце,
 не боясь, что ослепнет.

Солнце льется на землю,
превращаясь в шпешницу,
На сады расклевывается,
обернувшись плодами,
Раскалало калину
(ветер дунь — загорится),
Золотарник одело
в желто-рыжее пламя.

А когда перелетной
журавлиным стан
Журавля над колодезцем
покоит вечерами,
Вслед посмотрит он грустно,
головой кивая,
И не сможет расстаться
с нашим краем и с нами.

1956.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ РУЧЕЙ

*Дон мый, батюшка, Дон могучай,
Сала откуда берешь великую?
(Скорохвата казачья донца).*

— Здорово, Дон!

Я вновь на берегу.

В который раз шепчу:

— Здорово, Дон!

Сады ставни, что накутся в снегу,

В весенних водах отражает он.

Я всякий раз, когда над ним стою,

Привожинные

Маленький ручей,

Без имени,

Без прозвища,

Ничей,

Затерянный в дугах, в моем краю.

Он дорог мне, как песня.

Де пары

Забывая, а вспоминая — запою,

И встанут впоперек костры

И девочка, бегущая с горы,

И встреча с ней,

И день, что так хорош.

Родившись из веселого злыща,

Между бутров он кольца вьет, журча.

То в лозинке терзается,
То адруг
На озиме греться выбежит на луг.
Я так им горд.
Хоть в ниде запятой
Он лжачится на карте областной.

С ним связано все детство.
Над ручьем
Впервые музыку услышала я:
Санстела иволга
Перед дождем,
Вилетая санет
В журчанье ручья.
Ундел, как на синем полотне
Он вывел облака, меня и мать.
С тех пор, наверно, захотелось мне
Вот так же научиться рисовать.

Я так обаян моему ручью,
Где в первый раз у моста —
Глубина! —
Поплыл я, пальцами касаясь дна,
И адруг —
Плыну и дна не достаю.
К нему впервые в коньки принес:
«Пока на лед не встану — не уйду»
И, накатывшись на бок до слез,
Смеясь от радости,
Я встал на леду.
Жил у ручья и мой отец, и дед,
И прадед, и прапрадеды отца.
И я замедовал, что столько лет
Журчат ручей
И жила вот конца.

— Здорова, Дон!
И вижу на берегу.
В который раз шепчу:
— Здорова, Дон!
Сады станиц, что какутся в снегу,
В весенних водах отражат он.
Я вдаль смотрю, в задомские края —
Текут ручья...
И всех не перечисль.
И счастлив я, что в водах Дона есть
Глоток воды
Из моего ручья.

1938.

30854

Библиотека
им. А. С. ПУШКИНА
Жел.-мор. р-на

Апрель - подлый бестолков,
Во весь лут разлилась рена.
И разлила такой необычный,
что глаза отвести не могу я.
Льдины, шурша и ломаясь,
толкают друг друга в бок.
Скорее улизнуть стремятся,
оверевая одна другую.
Зима не в силах бороться
с весною один на один.
Зима, отшумев, улизывает
вереницею черных льдин.
Чтоб не смотреть, обессилев,
бессомненно и уныло
На то, как вслед тебе машет,
от смеха тряслась, лоза.
Каждую точку которой
весна пробудила,
Каждой точке которой
весна отерла глаза;
Чтоб не слушать, как вместо
унылого волн вьюги
Весенняя песня заворонка
поет в вышине голубой;
Чтоб не видеть, как солнце
безжалостно, словно из юге,
Охапку лучей бросает.

стремись покончить с тобой.
Это было вчера, а сегодня
заречные дали ясны.
А лоза на пригорке такая,
что скажешь, надознун: лоза ли?
На каждой, на каждой ветке
золотые руны весны
Заботливо, нежно
зеленые бантики завязала.
Весна навила досыта
землю живительной влагой.
Она прикоснулась земле:
выращивай, подымай!
И в честь торжества весны
над школой полотнище флага
Зажжет привидный с рассветом,
как молодость, Первомай.

1956.

САД ЦВЕТЕТ

Ни пятишка на небе.
Голубое,
Оно лежит, обняв простор земли.
Как будто сговорились меж собою,
Все облака за собой ушли,
Чтоб только день унылым, серым не был,
Чтоб были дале за облаком сны,
Чтоб жаворонок,
Вынырнул в небо,
Считал себя дозванным весны.

И день такой, что лучшего не надо.
Леса, вставившись, загладились в пруд.
Цветет колхозный сад.
А мимо сада
Макарыча на кладбище несут.
Венок, сплетенный из цветущих веток,
Легит на крышке гроба.
А в саду
Стоит шалаш у вишен-однолеток.
Я на него гляжу, чего-то жду.

Висят лучи шалфея и ромашек...
Вот-вот ты выйдешь к нам из шалаша,
Саломенкою шальной поманишь
И двинешься во сад у не спеша,
От солнца шурясь,
Тренишь ветку груши

И улыбаешься
Двадцать лет назад
Ты токий саженец, храни от стужи,
Укрыть своей фуфайкою был рад.

А позже...
Как тебе обидно было,
Когда в колхозный сад пришла война.
Она не ветви яблони рубила —
Рубила руки сторожа она.
Едва ушел за окские курганы
Пронесшийся над яблонями шквал,
Ты вновь вернулся в сад,
Очистил рамы
И бережно, как мог, забинтовал...

Ни пятнышка на небе,
Голубое,
Оно лежит, обняв простор земель.
Как будто сговорившись меж собой,
Все облака за окоем ушли.
Молчат мужчины, женщины голосят,
Серьезны, строги лица у ребят.
Макарыча на кладбище уносят,
А сад цветет,
Цветет колхозный сад.

1966.

ДОЖДЬ

В день дождливый, день весенний,
Мимо дома прохода,
Паренек вышел к нам в сени,
Чтоб укрыться от дождя.

Мы стояли у порога,
Дождь шумел над головой,
Паренек шутил немого,
Только был он сам не свой.

А когда светлое стало,
Поярчнел, как небосклон.
Я совсем не понимала,
Почему вздыхает он.

Но как только подале
Снова ливень застучал,
Стал он сразу веселее,
Разговорчивее стал.

Друг на друга погладели,
А потом на небосвод:
«Пусть идет он всю неделю,
Пусть весь год, всю жизнь идет».

1955.

Не слышит мостик топота копыт,
Засыная снегом, всеми позабыт.

Тропинка в лес через него вела
(Не обойтись весной без двух досок),
Но вот замерла ручей, и пролегла
Она прямой, по льду, канскою.

А мостик молча ждет весну, не спит —
Соскучился по топоту копыт.

1955.

Черемуха,

Веселая, зеленая,

В саду пожаром белым зажжена.

Горит-бушует... Даже нелюбленные

Вдыхают — за душу берет она.

Горит-бушует саблехами белыми,

Да так, что стало, кажется, светлей

Под нарами, спросонок оробелыми,

Под ровным строем тонких тополей.

К ней жмется распустившаяся жинность,

К ней тянется крушица от плетня, —

Росою чистой

На рассвете вымылась,

Теперь свешит обесчннуть у огня.

Черемуха...

С низовья ветер дунувший

Разжиг сильней пожар —

Попробуй тронь.

Но подошел к ней в синей майке юноша

И — обломал и потушил огонь.

И вот теперь, беспомощная, робкая,

Она стоит, не мила ей майский сад.

Черемуха...

Проходят люди тропною

И на нее уж больше не глядят.

Когда плывут и тают песни зоркими,
Когда гармонь вздыхает над ручьем,
Эх, как же плакать ей
Слезами горючими,
Прижавшись к тылу девичьим плечам.

1956.

У протояи, на коаме зеленом,
Где травю стужа переня,
Тихо разговаривает с клеком,
Запрокинув голову, равня.

Может быть, о том, что небо синее,
Что прекрасен этот вечер летний.
А подаль, в круг соблаз, осени
Шелестят, выдумывая суетни...

1953.

Шоссе блещит подковой в синеве.

К нему бежит, как лисичка, тропка:
То причется, выльзнув хвостом, в траве,
То из травы выглядывает робко.
В ковер цветастый лесной излетела,
Скользит и ревет, за лес, через отроги,
Извилиста, бутриста, но она
Ведет к широкой и прямой дороге.

1955.

✓ ЯБЛОНЯ

Пусть немножко ёжится от холода
И грустит, что целый век одна,
Все равно сегодня очень молодо,
Очень бодро выглядит она.

День морозный. Небо темно-синее,
Я стою, влюбленный, перед ней.
На ветках такие шапки снега,
Что не видно и самих ветвей.

Радуюсь такому дню погожему,
Я хотел бы забежать вперед,
Повторяя каждому прохожему:
— Посмотрите, яблоня цветет!

1955.

Наконец от тебя я дождался письма.

Пишешь ты:

«Я учусь на четыре и пять,
Но, браток дорогой, наступает зима,
А фуфайку носить предстоит мне опять»

Есть у Вальки пальто, есть у Вальки берет,
Мама все для нее —

Ей вступать в комсомол.

Как же, Валька невеста — четырнадцать лет,

Ну, а я разве нет?

Мне десятый пошел».

Написала ты мне только несколько строк,

Но таких, что хожу и забыть не могу.

Видю, как ты в фуфайке спешешь на урок

И не можешь быстрее,

Утопаешь в снегу.

В классе тихо садилась за спины подруг.

(Невидимкой я рядом, у двери стою).

Ты боишься, чтоб Анна Романовна вдруг

Не сказала тебе

Про фуфайку твою.

Ничего, ничего...

Я спокоен и рад.

Что она, подойдя к тебе, спросит опять:

Не балует ли мама и пишет ли брат, —
И забудет совсем
Про фуфайку сказать.

Ничего... Очень скоро наступит весна,
Запестреют на месте сугробов цветы.
Ты, сестра, не робей, а учись, как она,
И она ведь фуфайку носила, как ты.

1933.

И.

КАТЬКА

Мы воробьям ее провали.
Жить без смеха,
Серьезной быть она не может.
Хоть убей:
То знает,
То передразнит свистом эхо,
То застрекочет —
В самом деле воробей.

То жить на свете нам пророчит
Лет по двести:
Тот будет плакать,
Этот соизуть на мели.
И великий раз,
Когда мы с Катенькой были вместе,
Сидеть без смеха и без шуток
Не могли.

...Седой ноябрь.
Погода — дрянь.
Шестые сутки
То живет мороз,
То валит снег,
То ливень льет.

Шумит река.
Тут не до песни, не до шуток.
А Катька шутит,
Катька шутит и поет.
Шумит река.
Какой разлив!
Наполовину
Уже затоплены
Прибрежные дубы.
Все выше уровень воды.
Вот-вот плотину
Разрушат волны,
Поднялась на дыбы.

Взбешенный ветер
Облизывает наши лица,
Промокали ноги,
Коченеют пальцы рук,
И все сильнее ревет река,
Как будто злится,
Что вот текла,
А тут преграда встала вдруг.

Разлив все ширится.
Не кончена работа.
А ночь, а тьма
Уже маячит впереди.
— Напрасный труд. —
Махнув рукой, роняет кто-то.
И тут же Катька:
— Если трусишь — уходи!

И снова шутит и поет,
Хоть в самом деле
Тут не до весны,
Не до шутки в этот час.
Мы друг от друга на все
Таинство глядели
И не смеялись, а краснели
В первый раз.

1955.

СЕРДЦЕВИНА

..И снова детство.
Обогненья трясину —
И вот он, лес, обильный крутосклон.
Войдешь и встретишь старую осину.
Мы к ней ходили, словно на пенлон.

Такой осины в свете не отыщешь:
Ствол без сучка,
На редкость толст и прям.
Чтоб обхватить его у корневника,
Трех пар ручишек
Не хватало нам.

Она прижата вершиной к небу,
Мы думали, стоять ей тысячу лет.
Не раз жалел я:
Повзрослее не был,
А то б с нею увидел целый свет.

И даже б небо мог с нею потрогать,
Звезду достать и положить в картуз.
— Эх, Монтигомо Ястребиный Коготь, —
Шутил лесник, покручивая ус.

Под ней сидел не раз на рыжем пне я.
Здесь сыро даже в солнечные дни.
А все, что вверх тянулось
Рядом с ней,

34-424

БАЛЛАДА О БЕРЕЗОВОМ ЛИСТЕ

Пьянцу Н. Б.

Огромный, избитый,
он очнулся на рассвете
И увидел те же стены,
тот же сумрачный подвал.
Сквозь решетку свет сочился,
на окошке резкий ветер
С тонкой гущей березы
листья желтые срывал.

Вспомнил он допрос вчерашний,
вспомнил выткн и утром
И последнее решение:
на рассвете — казнь, расстрел.
Вдруг упал на водоканник
хрусткий желтый лист березы.
На глазах у часового
он в окошко залетел.

Напрягая силы, узник
приподнялся на колени,
Дотянулся до окошка
и достал дрожащий лист.
И совсем забыв о казни,
и совсем забыв о плече,
Лист расправил на ладони
улыбнувшийся танкет.

Долго он глядел с волненьем.

И от этого, вылезло,
Стала боль слабей в суставах,
стал теплей сырой подвал:
О родни, о самом близком —
о деревне, что осталась
На Орловщине родимой,
этот лист напоминал.

Этот цвет и этот запах
в край родной увел солдата,
Где седая мать, издыхая,
сына ждет к весне домой.
Вот и яблони у дома,
та, которую когда-то
Он однажды своею
был готов укрыть зимой.

Вот и осень золотая...

Вспомнил он с любимой встречи
И прощанья до рассвета
у реки среди берез.
Листья медленно кружились,
листья падали на плечи.
А потом он с ней простился
и любовь на фронт увел.

Вдруг шаги и скрип засова.

«Вот и смерть пришла... Ну, что

жжж...

И согретый лист березы
он прижал к своей груди.
И, казалось, в ту минуту
был тот лист всего дороже,
Был тот лист дороже жизни.
Дверь открылась: «Выходи»...

1925.

(Из Р. Гареева)

Пришел в лесу. Хорошая погода.
Треплет костер. Вечерняя пора.
Пришло после долгого похода
Прилечь, подремнуть у жарюго костра.
Мне сон приснился: я в деревне снева,
Шагаю вдоль знакомого плетня.
Мне сон приснился: у крыльца родного
Встречает мать с сестренками меня...

Я описуюсь, как бы не проснуться
И этот сладкий сон не оборвать.
Но не успел к стакану прикоснуться
И вспомнить чай, что налила мне мать.

Товарищ, на восту столаций рядом,
Меня, я слышу, за плечо берет
И говорит, что просыпаться надо. —
Вставать на пост настал и мой черед.

Я поднимаюсь, не капризничаю,
Не выглаживаясь из сестер и мать.
— Эх, друг, — шепчу и голению катаю, —
Посторожился ты меня водить...

...Кладу в костер сожженные поленья.
Горя, пылай, смолыстань ослеп.
Ночь. Спит мой друг и видит продолжение
Сна моего, оборванного сна...

1955.

ПИШЕТ МАТЬ...

(На В. Колумба)

Пусть в добрый час мое придет слово,
Да бог хранит тебя в пути, сынок.
Не беспокойся:
Я жива, здорова,
Живу с одной заботой:
Ты далек.

Вчера мне сон приснился на рассвете,
И как же не поверять мне ему:
Прочесывал березу нашу востер.
Такие сны —
К здоровью твоему.

Ты пишешь, говорят, стихи умело
Про журавлей, про разные цветы.
Не стал бы ты в селе
Воровой белой,
Не сделался бы
Незнайкомцем ты.

Хотела я о девушке —
Ни слова,
Но нам покою нету от людей:
Твоя невеста вышла за другого,
А я мечтала:
Женишься на ней.

Ты, видно, в жизни городскую прожил.
Неужто хуже девушки у нас?
Да ни-то что,
Ты делай все, что хочешь:
Жениться — раз и жить на свете — раз.

Ты к городу присох.
И не могу я
Понять, какой ты в нем нашел прият?
Там даже пестром лентой торгуют,
Там даже осень люди продают.

Тебе домой бы,
Стыл забор наш старым
И брызгу помоя так нужна сейчас:
Костюм он ищет, садит по базарам,
Ценой в карману эта вещь у нас.

Я жду тебя.
Не знаю — поспешить ли,
Но только жду.
(Питью в все, как есть).
А не придется, так очень жаль вышло,
Твоя мне интел даже не промешать.

Нет, все равно ты должен показаться
Весной или под новым урожаем.
Дни старости бегут
На быстром зайце.
Прощу тебя, скорее приезжай...

1956

НА ТОМ БЕРЕГУ

1. Ханс Каале

Встретал нас, морикон,
На площадке в порту
Старый швед, кому с виду
Не менее ста.
Трубка шведа, что крепше
Держалась во рту,
Опустилась и выпала
Варуг из рта.

Плети руи,
Словно тонкие стебли травы,
Росли в темной,
Холодной подвале,
Проткнулись вперед:
— Марьяки... Из Москвы?..
Это встретил нас Ханс,
По фамилии Каале.

Улыбаясь, глядел он,
Веселый, на нас,
Почерневшую трубку
Сжимая в руке.
А из глаз —
Пересохших, ввалившихся глаз —
Слезы —
Капал за каплей —
Пошли по щее.

Он взглянул на фюря,
Где в железном кольце
Трубы лайнеров,
Хоботы кранов торчали.
И на желтом,
Изъеденном осяой лице
Мы увидели столько
Обады, печала...

Двадцать лет он
Бескрайнюю снть бороздил,
Древесину грузил,
Была, как водится, в силе.
Но однажды к земле
Его кедр пригвоздил,
И, больного, его
С корабля опросили...

Так и бродит по городу
Старый матрос
(Лучше в круглые сутки
Грузить ему лес).
Если смотришь на бороду —
Калле оброс,
Если ниже —
На куртку, на брюки —
Облез.

Прикрывая стыдливо
Лохмотьями грудь,
За лохмотья свои
Никого не иная,
Он, прощаясь, сказал:
— Капитан, не забудь

Поклониться
России,
Москве
От меня.

И, довольный, ушел...
Но немая фигура,
Удалась,
Была еще долго видна.
Шли мы в версу.
Смеркалось таинственно, хмуро.
На ваде беспокойно
Плескала луна.

1954.

2. ВЗГЛЯД МАЛЫША

День был лучшим из непогожих.
Шли мы улицей, не смена.
На парети, у ног протоковит,
Мы увидели малыша.

Умалышдан, робким взглядом
Из-под рыжей кепки волос
Он взглянул из провидных рядов
И на слова не промолвил.

Только в этом печальном взгляде
Мог бы каждый из нас прочесть:
«Дядя, что ж ты проходишь... дядя,
Помоги мне... хочу я есть...»

1954.

3. БЕРЕЗА

Г. Флорову

Над фиордом изнанетым у перевоза,
Где лежал —
Ни пройти, ни проехать —
Бурелом,
Повстречался я утром
Со шведской березой,
Да с такой, как у нас под Орлом.

Ветер дул верховой
Из-за гор отдаленных,
Тучи низко над лесом, над морем ползли.
А береза, казалось,
На крыльях зеленых
Растет ввысь с этой серой земли.

Ей стоять бы у нас над речушкою узкой,
В хороводе подруг на крутом берегу,
Потому что березы
Не нашей,
Не русской
Я представить никак не могу.

1954.

Говорил я сто раз
ты очень красива.

Говорил я сто раз,
некоторые опять.

Для тебя
если б только
ты попросила,

Я, заверне б,
луку
попытался достичь.

А когда о тебе
слышал колкие речи,

Я готов был спор завязать,
скандал,

Говоря, что, быть может,
я этой встрече

Целых двадцать лет
ожидал.

А недавно...

Недавно мы шли с незнакомца.

Ты была разговорчива, весела.

Но, взглянув на прошедших друзей,
сказали:

— Сразу видно,
что из села...

И, качнув головой,
пожалеть решили:

Доскаты, жизнь
 проходит у них
 стареной.

Вот, к примеру, женщина.
Преклать мило!

Это нам
 не конь веровой.

Ты горда, что в актрисы пошла учиться
(Говорят, выраженный в слезе не дают).

Будешь в городе жить
 (пусть не в столице,

Только б был
 комфорт да уют).

Нет, молчать не могу я.
Пока не ушла ты,

Слушай,
 сворать готов с тобой
 до утра.

Ты ж не знаешь
 акуса

карташки в «бушлате»,

Неспеченной в поле,
 в эдак костра.

Ты же чистила ногтям ее,
 накал

В соль,
 насыпанную на ладони.

Ночь... востер у меня...
 тишина такая.

Что слышишь далеко-далеко гармонь...

Разбуди тебя ночью, спроси —
 мгновенно

Все духи перечесть
 сумеешь ты,

Мне ж обидно:

не знаешь, как пахнет село

И какие растут на лугах

цветы.

За тебя мне обидно:

песком километра

Не пройдешь.

Тебя —

подбрось, подвези.

А девочка

с поля

навстречу встает

Ходит часто

босые

в дождь

по грязи.

Ловит воздух обостренными губами.

Впрочем, что тебе...

все равно...

Где ты

это

почувствуешь?

Может, в бане?

Где ты

это

увидишь?

Может, в окне?

Ты смотрела задумчиво

вдаль куда-то...

— 38 —

Мне ж хотелось крикнуть:

«Нам во пути!

Подождите, девчата!

Мы с вами, девчата!»

И догнать их,

и, за руки взявшись,

пойти.

1956.

ПИСЬМО ДРУГУ

Боря, друг мой, давно ли ты,
Как невидимка,
Не сказав мне ни слова,
Ушел от меня.
А на утро признался:
— Мне кажется, Димка,
Что и впрямь любовь
Горячее огня.

Если б знал ты,
Какую я девушку встретил.
И, пойми, ведь случайно,
Не думал я — вдруг...
Боря, Борька, твой взгляд
Так был ясен и светел,
Что в душе я тебе
Посвящал, друг.

Ты, счастливый, поведал мне
Думу о загсе
(Те слова твои
В памяти я берегу):
— Манит скорей
Жизнь моя показаться,
Но я ждать не могу.
Хоть убей, не могу.

А потом, заиссяки,
Мы кричали нам: «Горько!»
Вы стояли, делаясь,
У всех на виду.
Я исторично тебе
Позанидовал, Борька:
Я, наверно, невесты такой
Не найду.

..Ты, усталый, вернулся
С завода под вечер.
— Эмиа, ты бы постель мне
Скорей подала.
А она, подбежав,
Обняла твои плечи
И сказала: — Прости,
Я спать встала...

Ничего не ответил,
Лишь черствого хлеба
С неохотой взял
И ложиться решил.
Спал ли, нет ли,
Когда же июньское небо
За окном посветлело,
Ты встать воспелся.

Эмиа нервно спала.
Не дыша, осторожно
Перед нею стоял
Зачарованный ты,
Разве можно такую будить,
Разве можно!
Экий труд —
Сажину постоять у плиты.

Ей пришла в голову
Такая мысль. Шло время.
Торчалась, разлетал ты
Все чаще влиту.
Только скоро ты
В иной красавице Эмме
Перестал замечать
Красоту.

Уходил на завод
По утрам, как обычно,
И она тебе вслед
Говорила: «Встань»,
А сама, потянувшись,
Зевака привычно,
Вспоминала недавно
Юность свою.

Ах, давно ли, давно ли,
Совсем не ругая
За кино, за город,
Где была до утра,
Мать шептала — Встань же...
Встань же, дорогая,
Слышишь, Эмочка,
В школу пора...

С головой зарылась
Она в одеяло.
— Ну, еще пять минут...
Разве мало их вам...
Мать жалела ее
И спокойно ругала
Тех, кто выдумал
В школу ходить по утрам.

— Спи, родная, я вспомнила,
Папа не может
Отвести тебя в школу —
Устал в райном.
Я скоро занавешу.
Пусть свет не тревожит.
Не волкуйся,
С директором папа знаком...

Материнское сердце —
Тревоги, заботы.
Ах, какая хорошая,
Добрая мать!
— Мама, дай я белье постираю.
— Да что ты,
Разве некому больше
У нас постирать?
— Мама, пол подмету...
— Не твоё это дело.
— Я воды принесу...
— Надорвешься ведром.
— Буду штопать...
— Покожешься. Ты же хотела,
Ты же думала съехать
На дачу с отцом.
Что за дни, что за жизнь,
Проведенная с мамой:
Ни забот, ни хлопот,
А гуляй до пяти.
Так жила б не тужила
До смерти до самой,
Если б черти не дернули
Замуж пойти.

А теперь: чтоб на всем
По хозяйству глядела,
Чтоб на рынок ходила,
Стирала, жала,
И не скажет никто:
«На твое это дело».
Мама, мама, на нуки
Ты дочь родила...

Ты, усталый, вернулся
С завода под вечер.
Тихо в комнате,
Зима сидит без огня.
Не глядит, не встает,
Не выходит навстречу,
А, вздохнув, говорит:
— Ты не любишь меня.

Обещая ты купить мне
И то и другое,
А три сотни отравил
В деревню опять...
Обо мне ты забыл,
Для тебя дороже —
Твои сестры,
Твоя деревенская мать,

Посмотрев на тебя
Исподлобья, сурово,
Как вчера, как всегда,
Заключает она:
— Если ты... если ты
Посторишь это снова,
Знай — отныне
Я больше тебе не жена.

Уговоры твои
И твои убеждения
Всякий раз от нее —
Что горох от стены
— И такая всегда...
Я таня с рожденья...
И ничья мне советы
Совсем не нужны.

В эту черную ночь
Ты не спал до рассвета,
Представляя другую
Чуждую ночь:
Пари и девушка в платье
Синего цвета,
О которой ты думал:
«Принцесса, точь-в-точь».

В эту черную ночь
Ты не спал до рассвета,
Вспоминая, как песни
Звонят у пруда
И как девушка в платье
Синего цвета
Шепчет вежлив:
— Люблю...
— Навсегда?
— Навсегда...

1955.

НАД РЕКОЮ, НАД ОРЛИКОМ...

Над рекою, над Орликом
По ночам при луне
Ты далекою звездочкой
Часто виделась мне.
И куда б ни направился,
Говорила я в пути:

Ой, далекая звездочка,
Ты свети мне, свети!

И светила ты ласково
С крыльями голубой.
И мечтала с тобой встретиться,
Подружиться с тобой.
А сегодня от радости
Я как будто во сне:

Ой, далекая звездочка,
Ты спустилась ко мне!

Над рекою, над Орликом
Звезды, словно цветы.
А в воде отражаешься
Для меня только ты.
Никогда уж не сгоришь,
Не уйдешь в облака.

Ой, далекая звездочка,
Как теперь ты близка!

ПЕСНЯ

Идешь ли ты под снежною порошею,
Несешь ли с дуга весенние цветы,
Уверен я, что самая хорошая
На всех денчат на свете это ты.

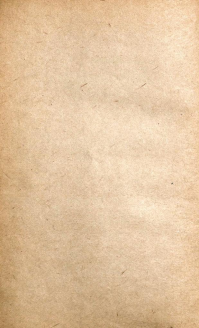
О чем воркует горлица под ивою,
О чем скрипит над речкой коростель?
Ты, может, рядом, самая красивая,
А может быть, за тридцать земель.

У нас пока пути-дороги разные,
Но дуги дорогам скоро стать одной.
Я знаю, с тобою встречу праздника,
Тебя мою самую родной.

Идешь ли ты под снежною порошею,
Несешь ли с дуга весенние цветы,
Уверен я, что самая хорошая
На всех денчат на свете это ты.

МЕТЕЛЬ

ПОЭМА

I.

Мела метель....

Ни тропки, ни дорог.

Сугробы, стужа, востер за стеной.

И кто-то вдруг переступил порог,

У двери встал,

Морщинистый, седой.

Он весь, промерз и бледен был, как мел,

Он весь в снегу и на ветру продрог.

Хотел он сделать шаг,

Да не сумел,

Хотел сказать мне: «Здравствуй»,

Да не смог.

Кто он такой, старик?

Кого я встретила?

Он мне знаком...

И стал я вспоминать.

Его и в детстве видел на портрете,

Что брехала, что так хранила мать.

И там и тут он с крепко сжатым ртом,

Шрам у виска...

А как глаза похожи!

А нос, а скулы...

Разница лишь в том,

Что там он был

На двадцать лет моложе.

Его впервые видел я живого.
Дожидаясь где-то
До густых седины,
Он никогда не говорил мне:
«Вода»,
Забывая, что это имя
Носит сын.

И вот пришел...

3.

На свете для меня
Нет памятниес мартовского дня.

В тот день с утра пускала ны в ручей
Кораблечик у нашего двора.

— Чей дашь мне?

— Чей обгонит?

— Это чей?

Шумела, волновалась детвора.

Как будто здесь, у желтого ручья,
Стоит не двор плетневый, а причал.

Вдруг нечаянно

Толкнул мальчишку я,

Он в воду свалил,

Закликал,

Закричал.

Да, кричал, что я, как свечка, тонок,
Что я ханжлив и что боюсь девинок.
Напомнил мне, что дед мой близорукий,

Что бобка..
Крепко кулани и сжал
Но вдруг мальчишка,
Выскочил брысь,
Спокойно и насмешливо скажет:

— Тебя отец твой бросил..

И невзланы
Разжались кулани мои; агия
Носнулся слезно, —
Ты мне стало больно.
«Да разве бросит
Мой отец
Меня...»

Кораблики уплыли...

А к обеду
Вернулась мать,
И я пришел домой.
— Ты говорила, к папе я поеду...
И слезы потекли,
— Где папа мой?

— Ты говорила, он прислал коня,
Гарком, что в день рожденья подарил,
А он не думал,
Он забыл меня.
А он...
Ты мне неправду говорила,

Я когда слышал от вас не раз:
 «Устроюсь, Аня, заберу и вас...»
 И он, отец,
 Поцеловал меня
 (В тот год я только что увидел свет).
 Ушел...
 И до сегодняшнего дня,
 А мне сегодня
 Ровно двадцать лет.

Ушел и бросил крышней в землю дом.
 Что был с прогнившей крышей, неужели,
 За нашим тусклым, сумрачным окном
 Чересла патила
 Грязных, ржавых луж.

А вместо неба
 Каждый раз с утра
 Мы видели в окне бельмо бугра.
 Бельмо бугра да лебеду на нем.
 И так за годом год,
 Как день за днем.

Лет до сени я рос
 В той дмурай мне.
 Я с нетерпеньем ожидал субботы,
 Чтобы пойти на станцию с друзьями
 Встречать отца,
 Вернувшегося с работы.

Отцы всегда с ребятами играли,
 Шутили, на уши порою драли,

А я, глядя в влад им сада,
Шел, одинокий,
Неизвестный,
Сладя.

4. H

Наутро, позавтракав об этом,
Снова
Я уходил со сверстниками в лес
И там вынес от запаха лесного
И верным и чисту
Сквозь арешник лед.

И ничего, казалось, нет дорожки,
Чем и этот день,
Спокойный и тихий,
Смотреть, как птицы
Вылетят в светлой сини,
Или слушать, лежа под шатром зеленым,
Как, запрокинув голову, осина
О чем-то разговаривает с кленом.

Ватагой шла к реке, бежала в поле,
Потом опять к реке и в лес опять.
А в эти дни,
А в это время и шло
Меня готовить, продолжала мать.

Еще весной она достала книжка,
Она мне сшила новые штанишки,
А в них карманы —
Не доставень дня.

Стрелой и пращю росатау —
Не пидка.

На деньги те, что по рублю носили
Все лето для жени —
Я это знаа, —
Она рубашку и портфель купила,
А перед школой — праски и вениал.

Я выходил из дома, не дыша.
Шла мать со шкою до порога школы.
А день был светлым,
Как моя душа,
И как лицо у матери,
Веселым.
Я дверь тяжелую открыл плечом
И встретился
С Андреем Ильичем.

— Ну, здравствуй, друг, —
И он ко мне подходит,
Глядит в лицо мне,
Что-то вспоминает.
— Как звать тебя?
— Калинин Володя.
— А маму?
— Анна.
— Папу?
— Я не знаю...

Он не сказал тогда мне «почему»? —
Отец был школьным сверстником ему.
Взял за руку меня и в класс повел,
Где собрались уже ученики.

Притихший, робкий,
И с нами рядом шел
И ощущал тепло
Его руки.

5.

— Володыа, поглядите, без отца
Как учится!

— Дойдет до дела...

— Еще бы.

Вот так бы и учиться до конца,

Но вдруг — война,

И тут не до учбы.

Ругалась мать:

— Опять вошла... Куда ты?!

А я плелась с друзьями на плетень,

Смотрел, как шли через село ссодаты,

Шли, серые от пыли,

Целый день.

И вот июльским утром с ними вместе

Ушел Андрей Ильич, учитель мой.

А через месяц — весть...

Тревожной весты

Не принесла я никогда домой.

Сжималось сердце у меня до боли;

Андрей Ильич...

Он не вернется к нам,

Он не вернется в школу.

А давно ли

Меня читать учил он по складам!

Давно ли мимо окон вечерами
На мотоцикле он натащ меня!
Неслись...
А вслед нам грустными глазами
Смотрела часто мать из-за плетей.

Уткнулся я в подушку головой,
Сквозь слезы слышал,
Как вздыхала мать,
И, засыпая, ведал —
Как жилось! —
Он в классе
У доски
Стоит опять.

6.

В то утро я лежал еще в постели,
Когда разрыв скрада дом потряс
И на окне осколком зашвырнула,
Смешалась с дымом пыль.
И свет погас.
Я к двери бросился,
Но было поздно:
Пылала дверь;
Хотел к окну, но грозно
Огонь уже в окно врвался с треском,
Взбираясь к потолку по занавескам.

А я молчал
И перестал молчать,
А я кричал
И перестал кричать.

Жара такая, что дышать нельзя.
И потолок уже горит,
Гроза
Вот-вот обрушится.
И силюсь встать,
Но не могу и вадаю опять.

Глаза старыл я и услышал
— Вона...
Не думала, что вынесу живого,

Мать...
Это мать передо мной стояла,
Смотрела со слезами на меня,
Закутанного коснук в одеяло
И вынесенного
На огня,

Мать...
Это мать, вся в копоти и в саже,
В фуфайке обгоревшей,
Без платка.
Такая ж, как вчера,
Все та же, та же
И только постаревшая слегка.

7.

А время шло,
Порою до рассвета
Мать за селом
Оковы рыла где-то.

За ужина, когда сверкало небо,
Нездешнее вдоль и поперек,
Я ей протягивал
Кусочек хлеба,
Что для нее от завтрака берег.

— Ешь, мама, ешь...

Ты очень голодна, —
И от нее не отводил я глаз,
Но улыбалась каждый раз она
И хлеб мне возвращала
Каждый раз.

Однажды днем она пришла,
Устала.
Легла в постель
И... никогда не встала.
Еще не старая,
Уже седая,
Она лежала целый день в бреду,
А за окошком осень,
Догорая,
Тушила листья красные в пруду.

С высокой липы,
Медленно и ровно,
Они на подоконник опускались.
Ложились осторожно, робко,
Словно,
Нарушить матери покой боялись.

Сидел я у кровати рядом с ней.
А со стены

Глядел отец на нас,
От солнца ль заходящего краснел
Иль от моих
Неплававшихся глаз.

Отец, отец...
Она его ждала,
Не зная, где он —
В тундре ли, в Крыму.
Мать карточку давно бы убрала,
Но с ним был я,
Прижавшись к нему.

Но с ним был я
С пустышкой во рту,
С веселым выражением лица.
Мать видела:
Я весь в него расту,
Мать говорила:
Котик отца.

Отец, отец...
Не мог я удержаться,
Чтоб не заплакать:
Помню, правда,
Отец, отец...
Хотелось мне прижаться,
Как десять лет назад, к его груди.

Я ждал — придет,
Но не открылась дверь,

А мать металась, умирала мать.
И я же знал,
Что делать мне теперь,
Куда идти,
Кого на помощь звать...

Сидел я рядом с нею до конца.
Ее слова последние в бреду:
— Володя, Вова,
Позови отца...
Пусть подойдет ко мне,
И я уйду.

Клим, дай мне руку...
Клим, в последний раз
Ты говорил в тот вечер, под дождем:
«Устроюсь, Аня, заберу и вас...».
А почему же не берешь?
Мы идем.

Клим, мы пройдем с тобою вдоль села,
С Володей... с нашими...
Ну, садись за стол...
Куда же ты?
Она плала, звала.
Но он не приходил...

В.

И вот пришел.

Пришел, когда успел я подрасти,
С друзьями распрощаться у дядюшки
И вновь село родное найти,

Где с детства
Все до мелочей знакомо.

Пришел, когда он, старый и большой,
Некушным стал
Нигде и никому.
Покинутой последнею женой,
Он говорил, что трудно одному...

Сутужей, лысый, сидя у стола,
Смотрел в окно,
А там метель мела.
От стула трясся одинокий шаг.

Отец сидел,
Не поднимая глаз.
А я ходил по хате взад — вперед
И слушал медленный его рассказ.

Отец упрямо вспоминал тот год,
Когда ушел и не вернулся он.
«А как же сын?
Пусть себе растет.
Жена?

А мало ли на свете жен!»
Пришли, прожались лето и зима,
Ушел —
И ни привета, ни письма.

Да время ль вспоминать
Про дни былые,
Заботой молодость ссаю губа,
Когда, жареные и молодые,
Детища всюду смотрят во тебя.

Он говорил о жизни, что прошла,
Пронизав весенней мутною водой.
Он говорил...

И боль во мне росла
За мать, что стала
В тридцать лет седой.

Что бабьими слезами верить не хотела,
Хоть, единожды слышала она:
«Ну, был бы он один —
Другое дело,
А у него же в городе жена».

За слезы материнские, за горе,
Что вынесла,
Не поднимая века,
Росла к вену,
С смятением чувством спора,
Прорезавшись в нежность обета.

Вот он сидит, морщинистый, больной,
Забывший и ненужный никому,
Посинутый последнею женой,
Он повторяет:
— Трудно одному.

Молчали мы...
А со стены, с портрета
Смотрела мать задумчиво на нас,
Смотрела мать, как, может быть, в то лето,
Когда прощались с ним
В последний раз.

— Всю ночь во стеклах
Жесткий снег хлестал,
Метель не прекращалась до утра.
Он вытер руками глаза и встал
— Прости меня за все...

Пойду,
Пора.

Но медлил он,
Толкся у стола.
Он ждал, что я скажу:

— Не уходи.

Нет, не на улице метель жала,
Она жала сейчас
В моей груди,

— Прощай, — сказал он и шагнул от света.
— Прощай, — раздался голос мой в ответ.
Задумчивая, грустная,

• С портрета

Сурова мать ему смотрела вслед.

— Ты жаловался:
Старость впереди.
Что ж, будет слишком трудно —
Преходя.

Мела метель...
Ни тротуар, ни дорог.
Сугробы, стужа, ветер за стеной.
И он, едва переступил порог,
Весь белым стал,
И без того седой.

— Прости, прощай. —
И он ушел в пургу
И только след оставил на снегу.

Ушел...

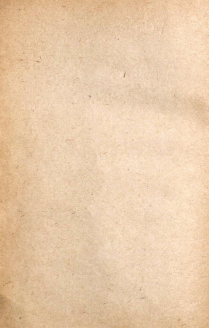
Смотрел я на него с восторга.
Метель ковыляла с носом вдоль села.
И только след,
Глубокий след отца
Она закрыть, засыпать не могла.

1954—1956.

Сынъ Николая Александровича
Евгения, сына
доктора, поэта.

СЕНОКОС В РАЗЛИВЕ

ПОЭМА

Стога, подала, разбрелась, застыли.
Косец садится у огня; продрог,
И треплет волосы его густые
Пронахивый свежим сеном ветерок.

Плывет тревожно песка над Разливом...
То смолкнет, то послышится опять,
Далняя, с угрюмым переливом,
Она рассвету хмурому под стать.

Косец кладет бумагу на колени
И быстро пишет...

(«Лучшая вора»).

Ложатся от костра косые тни,
А звезды, словно искры от костра.

Потрескивают ребро головешки,
И пламя в чайник хочет заглянуть.
Спокойны и сощурины в уснишке
Глаза косца, раскосые чуть-чуть.

Задумавшись и вдаль куда-то глядя
На серый пробуждающийся край,
То волосы, как лысину, погладет,
То тронет подбородок незначай
И пишет вновь...

На сумрачном востоке,
За лес цепляясь, облака воланы.
Бесшумно лодка выйдя из протони,
Пересекает озеро Разлив.

Глядит косец,
Он знает, это в гости
К нему спешат на лодке малыши.
Они во всем помогут даже Косте,
Им только после сказку расскажи.

Он вдаль глядит,
Не может наглядеться
На пенный и вздымающийся простор
И видит он, как собственное детство
Бежит навстречу с Жигулевских гор.

Он видит Волгу, медленную Волгу,
Где в зной ли, в дождь с ребятами любил
Вот так же есть за весла и подолгу
Грести на ветер, не жалел сил.

Иль на Венец подняться, стать над кручей
И слушать на ветру, как вдоль реки
С «Дубинушкой», тревожной и могучей,
Относом твоят баржу бурлаки.

Любил смотреть рассветную пору,
Как всходит солнце...
(И вздохнул косец):
Рассвет не видит те, что под горою, —
Их ланки не ищут на Венец.

Все ближе лодка,
Повернула круто
Туда, где берег камышом одет.
Рукою машет девочка Анюта,
Косец ей улыбается в ответ.

На весла с силой налегает Петя,
Такой он, Петяда, рыжий, что она
Смеется: лет рыжий его на свете, —
Но голубая, а красная луна.

С ним рядом Валя,
Тих, застенчив Вани.
Но дядя Коста любит пареня
С его мечтою — на африкане
Бесстрашно залетать под облака;

С его желаньем грамоте учиться,
Чтоб после — у Аниуты на виду —
Он смог прочесть бы сказку о жар-птице,
Что сплыввала яблоки в саду.

Песутся волны, лодкою играя,
Перевернуть посуду грозя.
Руной подать до берега, до края
Руной подать, а подойти нельзя.

Отплывет лодку.

Пританцись дети.

Вздвигнувшись в переладину, молчат.
На весла с силой налегает Петя,
Но лодку тает озеро назад.

Щуплет, вздыхает, хмурое, садое.
И вдруг:

— Куда вы?... Там водоворот...
Мелькает быстро койка над водою,
Сверлит носом, сажениками плывет.

Целкает лодка за воду краями,
Вот-вот понамоет черную юрму.

— Не бойся, Ваня!

Дядя Костя с вами,

Ты только руку протани ему.

— Эх вы, гребцы... Небось, устал?

— Немного...

— Зачем же попадать в водоворот?!

В его глазах, хоть и гладит он строго,
Низинско: люблю такой народ.

Он весла взял, он сел на место Пети,

Теперь попробуй, истер, дятони!

— А это что в мешке?

Скупились дети,

Косца хотят обрадовать они.

Живет он бедно, жизнью одинокой,

И за день ест верою только раз.

Вот и поймали шуку за протоней,

Чтобы уху сварить ему сейчас.

Но шутит он:

— Пускай потеряет шука.

Сегодня мы богаты — хлеб и чай.

На завтра голая вода.

«А ну-ка, —

Мы скандем утром шуке, — выручай».

Все ближе берег, ближе...

— Дядя Костя,

Хотели мы и тебе еще вчера,

Но не могли... мы были на погосте,

Убили машиниста конкера.

В его квартире найдем анимовка

И книги, да такие — будь здоров!
Составил их сам Ленин.

Очень долго

Грохот он этих самых конфер.

— Его звали тоже, — шепчет Пета, —
Везде, как есть, четыре дня подряд.
Его я видел...

Только на портрете.

С бородкой, лысый,

Рыжий, говорят.

Мне конфер показал на той неделе:

«Не ужасно, такого, короче?»

А я, хотя б и знал на самом деле,

Но тайны не отирал бы, хотя убей.

Эх, как его поймать охота барам!

Но для кого и эти ничтож.

Фамилию слышал.

Теперь подарю

Его кому, я слышал, Ильичом.

Он хочет бар из комнат — да за дверь.

Пускай, как мы, походят без жалы.

Смеется Петя:

Одному не верю:

Научно Ленин рыжий, как и я?

А вот и берет...

Узенькая тропка,

Пригорки сповска.

Не сисна

Выбирается за сном, чтобы торожко

Равниною бежать до шалаша.

Косец взял Ваню за руку, как часто
Ида на сенокос в дуга берет.
— Ну, как дела с ногой?
— Могу похвастаться..
И мальчишк вырывается вперед.

Недавно он за речкою Гремачей
Порезал ногу («так-то беснись»),
Косец прошил ее водою горячей
И туго завязал своим платком.

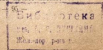
Цысты черногловые, немалые
На дыночки превстали над травой.
Бесшумных, босых гостей встречал,
Приветливо кивая головой.

Ребята здесь, у жилища, как дома,
Привыкли называть его своим.
Здесь каждый травинка им знакома,
Любая ветка становится им.

Здесь все у них, смысловых, на примете:
Где ягоды найти, где сушке взять,
И только о «зеленом кабинете»
Никто не знает и не задуман знать.

Когда кусты седые молчаливы
И никого во всей округе нет,
Носен идет в разросшиеся нивы —
И свой сумрачный «зеленый кабинет».

Дал чурбака —, ванили и пивные.
Присядет, развернет свою тетрадь
И — нишет, знает, очекь долго пишеть.
Подумает и вновь начнет писать.

Когда ж уйдет, улизнет вся округа,
Встречает он в лугу у знакома
С вестями приплывающего друга
От интересных рабочих, от ЦКа.

На сеннале садут.

Разговоры

Про сеннале, про бурный Петроград.
Про то, где скрывался Ленин, в котором
Сегодня очень много говорят.

Твердят одни: уехал за границу.
Другие — стал куцон («нехолодой»!).
На раз андали: продает пшеницу
В рубаше красной, с рыжей бородой.

Они сидят до самого рассвета.
Косец, взявнув на раннюю зарю,
Заметит:

— Очень трудным было лето.

Но бой готовить будем

К октябрю.

* Иначе можем опоздать...

Над лугом

То здесь, то там ребячий голоса.

В траву предансь ровным полукругом,
Стрижет пригорак женская коса.

Стоит в холщевом платье, разута,
Среди густых цветов на бутерке
Воскушчатая девочка Аня
С микетными глазами в руке.

Ушли ребята в лес.
Там столько ягод,
Что собирай весь год — и не собрать,
Что дяде Косте не поесть их за год.
Когда бы ел (откажется есть).

Ушли ребята.
Почему ж, Анята,
От дяди Кости не уходишь ты?
Тебе в глаза цветы глядят, как будто
С тобой сейчас прощаются цветы.

От озера до сваленной березы
Они ложатся, разметавшись, в ряд.
Горит роса...
Нет, не роса, а слезы
Подношенного вереска горят.

Как жаль цветы!
Но на любой слезинке
Смеется солнце.
Девочка, взгляни!
Не ягоды бы складывать в корзинки,
А капли солнца, — так светлы они.

Ты стебельком бунет связала туго
И снова видишь, девочка, ответ:
А сколько вывел на страницах луга
Косец зеленых строк за сорок лет?

А сколько он на тех цветных страницах
Поставил точек — золотых стогов?
А если всем в один соединиться?
Он головой коснется облаков.

Краснела, улыбалась ты чему-то:
Цветам ли, салуцу, попуту альхия?
Себе самой не верашь ты, Аюта,
Впервые в жизни
Сочиня стихи.

Устал косец, косоворотку сбросил.
И только непонятно, почему —
На озере, а лесу ли, на покосе —
Быть в калке всюду правится ему.

Поет коса в траве.
Жара какая!
Ни ветерка, ни облачка. Жара.
Одни перепела, перекликались,
Твердят неутомно: «вить пора».

А в полдень ветер пробежал над лугом,
В рядах сугое сено шевеля.
И, побывав в кустарнике упругом,
Учился через озеро в поля.

И вот уже клубящиеся тучи
Стегает ветер огненным кнутом.
Скорей, скорей сложить стога вкручу!
Все ближе тучи, все слышнее гром.

Смешит тревожно козла в осинах,
Еще смелей кричат перепела.
В дугах уже не видно стожков синих,
Трава густая их переплела.

С ребятами загрызает ветер.
То сено рвет из рук, то валит с ног,
— Утатытай сильней, —

На стелу Пете

Анюта поднимается на стог.

Косец смеется:

— Вот так ходят в гости.

Но стог растет, высокий, плотный стог.

— Еще одну охапку...

— Дада Костя...

Он, поджав грабли, смотрит на восток.

Смеющийся, лукаво веки щуря,

Надвинув копку ниже на глаза,

Он почему-то радуется буре.

Он говорит:

— Люблю, когда гроза.

Рванул, как струны, ветер ветки нивы,

И дождь у стога дробно заплескал.

Зеленых буйных звуков переливы

На крыльях ветра мчались по лесам.

А молнии, похожие на корни

Березы, опрокинутой в Разлив,

На миг повисли под грохотом черной,

И гранул гром, все звуки заглушив.

— В палаш... скорее!...

Хлопчет дождь по крыше,

Вода стекает медленно, шурша.

И кажется Анюте, будто мыши

Царапают манушку шалаша.

А небо...

Словно выплеснуло на небо

Студеный ветер озеро чернил.

Косец достал лопать ржаного хлеба

И на три ровных части разломал.

Кусочек хлеба!
Что еще на свете
Вкуснее, слаще и дороже есть?
Продрогали, зарылись в сено дети,
Едят по крошке —
И бояться съесть.

— А это я оставлю, — шепчет Ваня,
И прячет хлеб в картуз, — мне хватит... маме.
Большая мать...

Лежит, никто не оставит
С тех пор, как батяка стинул на войне.

Такой он, дядя Костя, добрый, нежный.
Он на колени мальчика берет,
Совсем как батяка
В тот далекий свежий
Январский день, прощаясь у ворот.

Совсем, как батяка, волосы ерешит
И прижимает мальчика к груди.
Совсем, как батяка,
Ласковый, торопный,
С ним хоть весь век жила, не уходи.

Ослабнул, съежась, тучи мчались в лесу.
Дождь утихал и вновь вусовался в пляс.
Глядел косяк сивой мутную завесу
И продолжал не спялку, а расказ.

Откуда все он знает?
Неужели
Обедать будешь с хлебом каждый день?
Не верится, чтоб хлеб все люди ели,
Ведь столько городов и деревень!

Откуда все он знает?

Неужели

Придет вера и обудутся мечты:

Сто лет дома женщины ждали,

А ты предешь

И будешь жить в них

Ты.

Предстанешь ли, что ты побдешь учиться,

Поверишь ли потом своим глазам:

Ты сам читаешь

Сынку о жар-птице,

Любую букву ты выводишь

Сам.

Как хорошо!

И улыбнулся Ваня.

Как хорошо!

О, если б знала мать:

Он скоро смеется на изрошание

Ее и дядю Костю почитать.

Открылось снова небо голубое,

Земля сверкала, свесистью дыма.

И вновь выходят шумною гурьбою

Веселые друзья из палатки.

Свистит на флейте ниволга в осинах.

Дождики отрахает с плеч лоза.

Куда ни глянешь — столько их, дождиков,

Гладят ребятки в синие глаза.

Все ниже солнце.

Кажется: минута —

И к берегу прильнет оно шпкой.

Так низко, что на цыпочках Анюта

Теперь смогла б достать его рукой.

Все ниже сапига.
А когда с ним вместе
Уплыли дети (дома столько дел).
На берегу косец стоял на месте
И долго, долго детям вслед глядел.

Все дальше, дальше лодка уходила,
И только скрылась, исчезла в шалаш
Бумажу разложил.
И слышно было,
Как ходит по бумажу парандша.

Задумавшись и идаль куда-то глядя
На оглашенный пичным сантом край,
То волосы, как лыска, поглядит.
То тронет подбородок вежливый
И шепет вновь...

А утром
— Дядя Костя, —
Ребята громко издали кричат.
На-за кустов калиновые гроздья
посматривают робко на ребят.

Идут к костру, зовут.
В ответ ни слова.
Все пусто — ни косы, ни топора,
Снят даже чайник с жердочки сосновой.
Росой покрывшись угольки костра.

Пустой шалаш стал неуклюжим, низким.
Все обошли, а дяди Кости нет.
Таким для них он был родным и близким.
Как будто вместе жили много лет.

От шалаша бредут его тропы,
Что в лес манит, тениста и уша.
Вот лось прошёл под утро к водоёму.
Словно рогами ветку ломая:

Вот шло в красной блузе торопливо
Росинки пыет из круглого следа.
«Куда он делся, ты скажи нам, яна,
Тропа, ты увела его
Куда?»

Ещё вчера брал Ваню на колени,
Смеялся и шутил ещё вчера...

Кто знал, что это был тот самый Левин,
Которого искали юнкера.

Кто знал, что у него борода сбрита,
Не волосом под кепкой, а парик.
...Засмея ругань, цакали концы,
Смотрел на каждой подворотни шиня.

Стучали где-то гулкие колеса,
Солдатской песни слышался мотив.
Кто знал, что в эту пору севеноса
Был штабом революции
Радан.

А где-то там, за сотни верст отсюда
Читал газету по складам мой дед
Про жизнь свою,
Про жизнь простого люда,
Что добось разут и догала раздет.

Читал мой дед крамольную газету,
И у крестьян сияли кулаки:
«Пока хозяин ниш,
Нам жизни нету,
Нам счастья нет,
Пока мы батраки».

Спокойно люди выходили в сени,
Не отрывали от газеты глаз,
— Писал-то кто такую правду?
— Ленин.
— Видать, батрак...
— Видать, не хуже нас.

Кто знал, что это ленинское слово,
Проникшее в далекое село,
Им рождено
У палаша лесного.

Где во ночам от белым рос светло.

Кто знал: когда дремала вся округа,
Он в темноте встречал у нивы
Держинского,
Испытанного друга,
Надежного свекного от ЦК.

Все так же злобно кокали копыта,
Смотрел из каждой подворотни шпик:
«Где Ленин, где его подполье скрыто?»
Но ни следов, как прежде, ни улик...

«Где Ленин, где?»
Но концы беспредельны.

Он с толку сбил жандармов и гусар.
Он далеко. На станции Удельной,
Вчера — погоня,
Сегодня — кочегар.

А завтра,
Всколыхнув земные ширя,
Чтобы зажечь во тьме всенародно,
В последний бай, что начат в древнем мире,
Он поведет Россию
К Октябрю.

(1937)

ЭПИЛОГ

В Разливом лето.
Снова из-за леса
Выходит солнце.
Тихо и тепло.

У палкина — пилот и контесса.
— Анюта...
— Пета...
— Сорос лет прошло.

Места родные!
Траны по волною.
Идете вы и, конется, вчера
Купались в озере, сушили сапо,
Чай с земляничкой пили у костра.

Послушай, детство, рыжее, босое,
Опять тобой живу я и дышу:
В дуг на заре косец ушел с косца
И он вот-вот вернется к палашу.

Вам говорить не хочется: «когда-то».
Кусочек хлеба в памяти встает.
Нет только Вани рядом...
Нет солдата,
Убитого у Пулковских высот.

Идете вы звонкою тропью,
Где и теперь кричат перелета,
Где лось ходил под утро и водоюю,
Где птица из его следа пала.

Водоворот увидеть вам охота.
Когда бы не носец, вошли бы ды...
На ледный берег
На водоворота
Не все одним он вывел —
Всю страну.

Плывет спокойно песня над Разливом...
То смолкнет, то послышится опять,
Далекая, с веселым переливом,
Она рассвету ясному под стать.

Сюда спешат с утра на лодках дети.
Сюда идут и те, кто стар и сед.
Здесь Ленин жил.
Здесь чисто на рассвете
Он видел Родины своей рассвет.

Среди кустов —
Шалам гравитный серый
У двух березок, наваленных сестер.
Линь нет костра...
Проходят пионеры,
И на значке у каждого — костер.

1956—1957.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспаление	7
Пойдем в мой край...	8
Как часто вижу ее во сне я...	11
Август	13
Мой маленький ручей	15
Апрель-водолей беспомощен	15
Сад цветет	20
Дождь	22
Не слышит мостик топота копыт...	23
Черемуха	24
У протока на холме зеленом	26
Шассе блестит подковой в синеве	27
Яблоня	28
Наконец от тебя я дождался письма	29
Катяка	31
Сердечница	34
Легенда об Орле	36
Выйдешь в сад, а в саду...	38
Поют ракиты	40
Моя родословная	41
Мама, помнишь октября?	43
Последний урок	45
Баллада о березовом листе	47
Привал в лесу. Хорошая погода.	50
Пишет мать...	51
На том берегу	53
Говорил я сто раз...	57
Письмо другу	61
Над рекою над Орликом	67
Песня	68
Метель (поэма)	69
Сенокос в Разливе (поэма)	87

Редактор Л. Ошанин
Технический редактор В. Нелюбова
Корректор М. Виноградова

* * *

— Введен в набор 13.VI 1957 г. Подписано к пе-
чати 20.VII 1957 г. Формат бумаги 70х102 $\frac{1}{2}$.
Сбываю 3,7 п. л. Тираж 2000 экз. Ф2904583
Знаки № 2059. Цена 3 руб.

* * *

Орд. завод-издательский „Трун“.

Э р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОРЛОВСКАЯ ПРАВДА»
1937